

22 июля 1953, Николина Гора

Председателю Совета Министров СССР
Г. М. Маленкову

Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Два месяца тому назад, 15 мая, у Президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова <...> происходило совещание, о котором, мне думается, в связи с событиями последних дней мне следует Вам написать. (10 июля 1953 г. в газетах было опубликовано информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, на котором был заслушан «доклад Президиума ЦК КПСС — тов. Маленкова Г. М. о преступных, антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала...» Одновременно сообщалось о передаче дела Берии на рассмотрение Верховного суда СССР. — П. Р.)

Совещание было по поводу организации моих работ в области электроники, и, поскольку Президент проявлял нерешительность в их поддержке, я поднял вопрос о причине того, что вот уже 7 лет мне, как ученому, не дают возможности полноценно работать. Я просил Президента указать хоть на одну крупную ошибку в моей научной работе, которая могла бы оправдать такое отношение ко мне.

Факты говорят как раз обратное. Когда меня наказывали в 1946 г., в основную вину мне была поставлена ошибочность предложенного и разработанного мною нового направления в кислородной проблеме — именно цикл низкого давления. Я и некоторые другие ученые не были согласны с этим, и последующие годы действительно показали, что постановление Совета Министров, касающееся оценки моих работ, несомненно было ошибочно. Теперь мои работы в области кислорода пользуются широким признанием не только за границей, но и у нас. Как раз сейчас крупнейшая установка в Туле построена по моему циклу низкого давления и с моими турбодетандерами. Как и следовало ожидать, все экономические показатели этой установки получились значительно выше прежних немецких установок высокого давления. <...>

Так почему же, спросил я, вот уже 7 лет меня лишают моих учеников, сотрудников, созданных мною уникальных установок для работы в области низких температур и сильных магнитных полей? Эти работы, по общему признанию, выдвигали нашу советскую науку на ведущее место в одной из крупнейших областей современной физики.

Я ставлю перед ним как Президентом вопрос, что я сделал такого плохого, чтобы могло быть оправдано теперешнее систематическое удушение моих научных работ? Несмеянов ответил, что он считает, что причина этого отношения не вызвана моей научной деятельностью и она не была ему сообщена как Президенту Академии наук.

Я попросил его обратиться в Правительство с официальным запросом и выяснить эту причину, потому что не только как ученый, но и как советский гражданин я имею право знать, в чем я неправильно поступаю, и его положение Президента Академии наук обязывает ответить на такой вопрос академика. После такой резкой с моей стороны постановки вопроса Президент спросил меня, не было ли у меня личного столкновения с некоторыми из членов Правительства. Я ответил, что у меня не было таких столкновений, если не считать Вознесенского. Несмеянов заметил, что теперь это не имеет значения, и спросил, не было ли у меня столкновений с Берия. Я сказал, что действительно у меня был с ним ряд крупных расхождений, но все эти разногласия касались дела, и я думал, что у нас в стране это не может быть причиной для того, чтобы лишать ученого возможности научно работать. Мне сказали, что напрасно я так думаю, и присутствующий при этом академик Топчиев указал, что как раз Берия всецело ведает теми областями новой техники, к которым относятся и мои работы — как теперешние, по электронике, так и прежние.

После этого разговора я все же не мог поверить, что Несмеянов и Топчиев правы и что в нашей стране развитие научных проблем может определяться нерасположением к ученому отдельного руководящего лица.

Сейчас в свете событий последних дней приведенный разговор приобретает совершенно новый смысл. По-видимому, у академиков Несмеянова и Топчиева имеются данные, которые привели их к заключению, что лично Берия все эти годы тормозил и губил развитие моей научной работы. <...>

В связи с этим, я думаю, что сейчас я имею основания поставить вопрос перед Советом Министров о пересмотре отношения к моей научной работе.

Я прошу о следующем.

В кислородной проблеме факт успешного перехода промышленно-сти на предложенный мною цикл низкого давления для получения больших количеств кислорода и работающий на моих турбодетандерах как у нас, так и за границей, несомненно показывает, что оценки моих работ в постановлении Совета Министров от 17 августа 1946 г. № 1815—782 и в постановлении Академии наук СССР от 20 сентября 1946 г., протокол № 23, являются ошибочными.

Признание этой ошибки не только будет благотворно для развития передовой советской науки, так как даст уверенность нашим ученым, что научная истина у нас в Союзе торжествует, но это важно также для успешного развития моих настоящих работ в области электроники. <...>

Также я думаю, что следует поднять вопрос об установлении нашего приоритета и материального использования наших патентов по турбодетандерам и циклу низкого давления за границей, в особенности в США. <...>

Больше всего меня сейчас волнует судьба Вам известной разрабатываемой мною проблемы электроники больших мощностей... За эти годы несмотря на все трудности и препятствия, которые лежали на моем пути, я все же так далеко продвинул решение этой проблемы, что научная общественность в лице известной Вам академической комиссии еще год тому назад единодушно высказалась за поддержку и развитие моих работ. Но решение комиссии до сих пор не было осуществлено, и я не получаю нужной мне помощи. Причина этого сейчас становится ясной из приведенного мною разговора с Несмеяновым и Топчиевым и заключается в том, что этому мешал Берия, и теперь это должно прекратиться...

Я надеюсь, что поставленные вопросы своевременны и, вспоминая с признательностью помощь, оказанную Вами в моей научной работе, я надеюсь, что Вы окажете внимание моим просьбам, даже в это занятое для Вас время.

Искренне уважающий Вас
П. Капица.